

СОЗНАНИЕ И ЯЗЫК (ОТВЕТ П.С. КУСЛИЮ)

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, г. Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: public@avsmirnov.info

Статья написана в ответ на критический отзыв П.С. Куслия [Куслий, 2023] на мою последнюю монографию [Смирнов, 2021]. Выделены три центральных тезиса П.С. Куслия, призванных показать ложность и ненаучность моей позиции: я исхожу из гипотезы языковой относительности Сепира – Уорфа; я утверждаю, что в арабском литературном языке (АЛЯ) отсутствует связка; АЛЯ не имеет носителей в современном мире, а значит, АЛЯ не релевантен для обсуждения вопроса о соотношении языка и мышления. Показано, что эти три тезиса несостоятельны в силу их измышленного характера. Это не позволяет признать утверждения П.С. Куслия хотя бы в какой-то степени обоснованными и служащими устранению недостатков моей теоретической позиции. Показано, что для европейских языков и АЛЯ невозможен один метаязык: их анализ и описание должны строиться в двух различных, взаимно инаковых системах рациональности, использующих (мета)языки, построенные на разных логиках, имеющие различную содержательную наполненность и напрямую не переводимые друг в друга. Показано, что сбой интерпретации П.С. Куслия вызваны нерелективным принятием коллективного когнитивного бессознательного европейской большой культуры в качестве базальтернативного и, следовательно, универсального.

Ключевые слова: арабский литературный язык, связка, коллективное когнитивное бессознательное, метаязык

CONSCIOUSNESS AND LANGUAGE: REPLY TO PETR S. KUSLIY

Andrey V. Smirnov – DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: public@avsmirnov.info

The article responds to the critical review by P. Kusliy [Kusliy, 2023] of my latest book [Smirnov, 2021]. In order to show the false and unscientific nature of my position, P. Kusliy puts forward three basic theses: I proceed from the Sapir – Whorf hypothesis of linguistic relativity; I assert that the Arabic literary language (ALA) lacks a copula; ALA has no native speakers in the modern world, which means that ALA is not relevant for discussing the relationship between language and thought. Those three theses of P. Kusliy are fake assertions having zero correspondence in my theoretical texts and language situation in the Arab-speaking world, therefore his statements cannot be considered as justified at least to some extent and serving to eliminate the shortcomings of my theoretical position. I argue that a single metalanguage is impossible for European languages and ALA: their analysis and description should be done in two different (meta)languages having diverse logical basis and content and therefore directly untranslatable into each other. The inadequacy of P. Kusliy's interpretation of my position is caused by his non-reflective acceptance of the collective

cognitive unconscious of the European big culture as having no alternative and, consequently, as universal.

Keywords: Arabic literary language, copula, collective cognitive unconscious, metalanguage

Прежде всего хочу поблагодарить редакцию журнала «Эпистемология и философия науки» за возможность высказаться на его страницах по наиболее важному вопросу, связанному с пониманием сознания и вариативности разума, а Петра Сергеевича Куслия – за то, что он взял на себя труд разобраться в вопросах строения арабского языка и представить аргументы, призванные показать несостоятельность моей позиции. Четкость и ясность изложения, выгодно отличающие аналитических философов, играют здесь мне на руку: автор рецензии выполнил за меня половину работы.

Начну с центральных тезисов П.С. Куслия, которые вынесены в заголовок и аннотацию статьи и повторены в заключении [Куслий, 2023]. Их три: 1) я исхожу из гипотезы языковой относительности; 2) я утверждаю, что в классическом арабском языке отсутствует связка; 3) классический арабский язык не имеет носителей в современном мире (последний тезис появляется в конце рецензии и в заключении). Разберем эти тезисы по порядку.

1. Гипотеза языковой относительности

П.С. Куслий никак не разъясняет, что понимает под этим, то называя это просто «лингвистической относительностью», то «гипотезой Сепира-Уорфа о детерминированности мышления языком», то «гипотезой Сепира – Уорфа о связи языка и мышления». Приходится предположить, исходя из этих выражений и контекста, что автор считает и так понятным, что имеется в виду. Видимо, это расхожая, к сожалению, среди наших философов крайне упрощенная трактовка позиции двух замечательных лингвистов. Они вовсе не говорили об однонаправленной «детерминированности мышления языком», их учение гораздо глубже и сложнее. От необходимости разбирать это меня избавляет блестящее исследование С.Ю. Бородай, в котором дано исчерпывающее изложение подлинных взглядов Сепира и Уорфа и предложено современное прочтение т.н. гипотезы языковой относительности, опирающееся на серьезный массив лингвистических и культурологических исследований [Бородай, 2020].

Но дело даже не в трактовке этой гипотезы, а в том, что я ее не придерживаюсь. Нигде и никогда я не говорил, что являюсь сторонником гипотезы языковой относительности. Наоборот, нетрудно привести ворох цитат из моих работ с критикой этой гипотезы, где

она взята именно в ее упрощенном понимании, как это выражено у рецензента. А то место в моей книге, на которое ссылается Петр Сергеевич [Смирнов, 2021, с. 71], никак не может служить основанием его тезиса. На этой странице речь о том, что есть две распространенные теоретические позиции, проявляющие себя в философских обсуждениях вопроса о языке и мышлении: гипотеза Сепира – Уорфа и понимание языка как знаковой системы. Обе эти позиции неверны, и об этом у меня ясно сказано в рецензируемой книге [Там же, с. 123 и далее]. Откуда рецензент вывел, что моя книга – ни много ни мало «попытка обосновать (sic!) лингвистическую относительность» (так называется его рецензия)? Хотелось пожелать Петру Сергеевичу внимательнее читать рецензируемые тексты, тогда таких досадных сбоев интерпретации можно будет избежать.

Почему именно я считаю неудачной любую трактовку гипотезы языковой относительности, не только вульгарную, о которой речь в рецензии, но и адекватную, я скажу ниже.

2. Отсутствие связи в классическом арабском языке

Это утверждение повторено неоднократно, оно проходит, можно сказать, через рецензию красной нитью. Примечательно, что автор не считает нужным привести хотя бы одну ссылку на мои работы в подтверждение своей трактовки моей позиции. А ведь это не случайно: я никогда не говорил, будто в арабском литературном языке (АЛЯ – это то же самое, что «классический арабский язык») связь отсутствует. Наоборот, я неоднократно говорил, что связочная функция не может не выполняться в высказывании, будь то в естественном языке или в логике, поскольку иначе сказуемое просто не свяжется с подлежащим и высказывание не состоится.

Вопрос в том, как именно исполняется связочная функция в АЛЯ. Я утверждаю, что в АЛЯ нет связи «есть» (а не что там нет связи вообще), более того, нет того, что Ф. Шехад назвал “*to be type copula*”, перебрав немало кандидатов на эту «должность». Об этом у меня также подробно рассказано в рецензируемой книге [Там же, с. 162–164]. Рецензент довольно бесцеремонно подменяет мой тезис тем, который ему представляется удобным опровергнуть.

Подмена моего тезиса возможна и оправдана в том случае, если рецензент думает, будто «связка» и «связка есть» – одно и то же и потому эти два выражения можно менять местами. Возможно, рецензент действительно так считает; во всяком случае, именно к этому выводу приходишь, читая его аргументацию (об этом я буду говорить ниже). Но ведь это не моя позиция. Что же опровергает Петр Сергеевич?

Таким образом, два главных теоретических тезиса рецензии оказались на поверку фикцией в том смысле, что рецензент приписал мне позицию, которую я не только не занимаю, но и ясно и открыто критикую. Ниже, говоря о том, что такое ККБ, оставшееся для Петра Сергеевича загадкой, я покажу, что заставляет его делать столь очевидную ошибку.

3. В современном мире носителей классического арабского языка нет

Ну это просто нелепица – это все равно что заявить, будто в современном мире больше никто не верит в шарообразность Земли и все придерживаются теории плоской Земли. И этот, третий тезис Петра Сергеевича соотносится с действительностью «с точностью до наоборот», как говорят некоторые юмористы. Специально для тех, кто не знаком с языковой ситуацией в арабском мире, я в конце рецензируемой книги привел небольшой текст, призванный дать понять, что такое АЛЯ и что такое разговорные языки (или диалекты). Если носителей АЛЯ уже не осталось, как утверждает рецензент, значит, в арабском мире перестали печатать книги, журналы и газеты, выпускать теле- и радиопередачи, правители и интеллектуалы изъясняются то ли на английском, то ли на суржике. И так далее: интересно, к примеру, было бы узнать у Петра Сергеевича, какой, по его мнению, язык звучит в мечетях и церквях арабского мира сегодня? Нелепее утверждение трудно представить. Видимо, Петр Сергеевич все же не всю рецензируемую книгу освоил; а если бы дочитал до конца, то такого бы не сказал, я в этом уверен.

Автор, на которого сослался рецензент, выдвигая столь экзотический тезис, видимо, имел в виду что-то другое (например, что АЛЯ ни для кого не является языком, которым овладевают в раннем детстве, таковым всегда служит тот или иной разговорный вариант арабского, хотя это не значит, что АЛЯ не окружает жителя арабского мира с младенчества и не усваивается пассивно – об этом у меня также подробно написано). АЛЯ, конечно, не остался на 100% таким же, каким был во времена Мухаммада. Но это – тот же самый язык, и студент, освоивший сегодня АЛЯ в вузе, получает доступ ко всему четырнадцативековому массиву литературы на арабском языке. Все это хорошо известно, за подробностями отсылаю к рецензируемой книге [Смирнов, 2021, с. 419–431], чтобы не тратить время и место на пересказ сказанного.

Так обстоит дело с основными, открывающими и замыкающими рецензию тезисами.

На этом можно было бы и остановиться, поскольку рецензия построена даже не на ложных, а на измышленных тезисах. Но одной

отрицательной работы никогда не бывает достаточно, необходимо и положительное усилие. Кстати, этого не хватает в рецензии: ее автор даже не попытался понять, есть ли эвристический потенциал у разбираемой книги, заранее решив, что его не может быть. (Действительно ли ККБ столь загадочно, как представляется П.С. Куслию?) Поэтому я покажу, как разгадываются две загадки, с которыми рецензент испытал трудность. Речь о связке в АЛЯ (то самое «опирание») и о коллективном когнитивном бессознательном (ККБ).

Представление о связке в арабистике и в АЯТ

Любой литературный язык – конструкт, а не результат сугубо естественного развития языка. АЛЯ в этом отношении не исключение. Его особый статус вытекает из другого – из того, что он как язык Корана не должен был меняться; таким образом, АЛЯ оказался сознательным усилием представителей арабо-мусульманской культуры и законсервирован именно в том состоянии, в каком был сконструирован как литературный язык, т.е. как система правил и словарный состав. И ту, и другую функцию (конструирование и консервация) выполнила АЯТ (арабская языковая традиция). Если бы рецензент учитывал это, он бы не позволил себе пренебрежительных высказываний в адрес АЯТ как продукта деятельности «древних» ученых. (По какой, хочется спросить рецензента, временной шкале они вдруг оказались «древними»?) Кстати, апелляция к ним – вовсе не ссылка на авторитет, как считает рецензент. Скорее уж он ссылается на чистой воды авторитет, когда приводит высказывания современных аналитических философов, не владеющих АЛЯ, как якобы перевешивающие теоретиков АЯТ и способные раскрыть нам функционирование АЛЯ. Ссылка на теоретиков АЯТ – это корректное взятие в скобки собственных языковых интуиций, которые не могут не мешать восприятию подлинности АЛЯ, к которой теоретики АЯТ неизмеримо ближе, чем любой современный аналитический философ. Вот Ибн Сина позволил себе игнорировать АЯТ и вчитать в АЛЯ языковые интуиции, сформированные родным персидским, – и каков результат? Серьезная грамматическая ошибка в том, что касается якобы восстанавливаемой связки. Неужто современный философ, пусть и вооруженный «передовой» философией языка, но не знающий вовсе АЛЯ (в отличие от Ибн Сины, который написал на нем многие тома), застрахован от ошибок просто потому, что читал Рассела и Витгенштейна? Посмотрим.

Европейская и отечественная арабистика признают, что в АЛЯ нет связки «есть»; иногда из этого делается молчаливый вывод (то же, что фактически делает рецензент), что связки нет вообще. Еще

век назад наш видный семитолог Н.В. Юшманов писал: «В отличие от европейской, семитская речь не имеет прочной связи членов предложения и пользуется преимущественно кладкой речевых единиц друг за другом» [Юшманов, 1928, с. 97]. Очевидно, «прочная связь» обеспечивалась бы связкой «есть», вместо которой АЛЯ пользуется рядоположением слов; интересно, что Юшманов в качестве иллюстрации высказанного положения приводит пример предложения с глаголом *кана*, но ему не приходит в голову счесть его связкой. Едва ли не то же самое говорят современные авторы:

There is no copula verb: the subject is stated and the predicate merely juxtaposed, and it is the change from definite to indefinite which is the boundary marker between subject and predicate [Badawi et al., 2016, p. 348].

А что эти же авторы говорят об «ущербном» *кана*? Кстати: «ущербным» слово *кана* именуется АЯТ, а вовсе не я, хотя Петр Сергеевич недоумевает по поводу того, что я называю его ущербным. Нет, это не я, а АЯТ, и недоумение рецензента опять вызвано тем, что он, видимо, не весь текст книги, даже относящийся к поднятому им вопросу, внимательно прочитал: там ведь ясно написано, что теоретики АЯТ делят *кана* на «полный», указывающий на событие «возникновение» и на время, и «ущербный», лишенный указания на событие и указывающий только на время. Этот указывающий только на время *кана* рецензент счел подлинной связкой, поскольку так бы сказали Рассел с Витгенштейном и их последователи. Может быть, и сказали бы, а может быть, и нет; во всяком случае, профессиональные арабисты так не говорят:

This *kana* can obviously never reproduce the word 'is' even in its imperfect form, as the equational sentence structure already includes that meaning. Likewise, there is no possibility that *kana* here has 'copulative' function (though this is often said), since this *kana* can only be used with elements already in a subject – predicate relationship. The real copula (see again 3.1) is already implicit in the structure of the equational sentence before any subordination to *kana* or any other modifier [Ibid., p. 452]¹.

Видите: именно что *очевидно*, что ущербный *кана* не может выступать эквивалентом связки «есть», поскольку приводит только в такие фразы, которые *уже* состоялись как высказывания, т.е. такие, в которых связочная функция уже выполнена. А ведь я именно это и говорю.

¹ Не воспроизвожу в цитате арабицу и диакритики, поскольку они не имеют здесь значения. Раздел 3.1. – это предыдущая цитата о том, что подлинная связка уже наличествует благодаря рядоположенности подлежащего и сказуемого.

Что в АЛЯ нет связки «есть», констатирует такой выдающийся арабист и исламовед, как Аннемари Шиммель [Шиммель, 2012, с. 268]. В общем, признание той очевидной истины, что в АЛЯ нет глагола «быть» и АЛЯ не просто не имеет связки «есть», но и не нуждается в ней, ширится в последнее время, хотя и попыток вчитать в АЛЯ европейские языковые и мыслительные структуры немало; самая, наверное, яркая из них предпринята в [Shehadi, 1982]. Правда, в основном такие попытки остались в прошлом. Да и нужно ли ссылаться на арабистов, когда в моей книге приведены исчерпывающие ссылки на классические арабские словари и тексты АЯТ, однозначно решающие данный вопрос?

За счет чего же связочная функция выполняется в арабской фразе? «Опираие» (*иснад*) остается невнятным для Петра Сергеевича. Я не раз писал, в том числе в рецензируемой книге, что действие (или, что то же самое, процесс) связывает воедино и снимает противоположение действителя (инициатора действия) и претерпевающего (того, что принимает действие; не путать с объектом действия – распространенная ошибка европейцев, привыкших к субъект-объектной парадигме). Если действие протекает, действитель и претерпевающее – что-то одно, но не благодаря своему субстанциальному совпадению, а благодаря стянутости действием и неразрывности его протекания. Действие «слышание», например, соединяет «слушающего» человека и «слышимые» звуки, соединяет настолько неразрывно, что с отпадением чего-то одного из этой тройки и два других утрачиваются: не будет «слышимого» без «слушающего» или «слышания» и т.д. Вся эта парадигматика подробно разобрана в разных местах рецензируемой книги; см., напр.: [Смирнов, 2021, с. 109–112].

Что же еще требуется, чтобы понять, как связываются подлежащее и сказуемое? Они связываются благодаря действию «опираие», в котором одно – опирающееся, другое – то, на что опираются: если опираие состоялось и вся тройка собралась, то и связочная функция выполнена, потому что подлежащее и сказуемое как претерпевающее и действитель действия «опираться» связаны и уже не могут оторваться друг от друга. Они не просто рядоположены, они образовали единство в силу включенности в схематику протекания действия. Они приравнены – но не за счет включения в множество, а как две стороны протекания действия.

В этом нет никакой загадки, это ясно и многократно зафиксировано в АЯТ: не отнесение к множеству связывает подлежащее и сказуемое, а постановка их в позиции действителя и претерпевающего, где связь – скажем это вопреки Юшманову, Бадави и другим теоретикам – не менее прочна и неразрывна, не менее очевидна и надежна, чем в случае отнесения к множеству. А ведь это уже предугазано не кем иным, как Ч.С. Пирсом:

Однако не стоит пренебрегать другими примерами: первое есть действующий, второе – претерпевающий, а третье – действие, которым первое влияет на второе; между началом как первым и концом как последним происходит процесс, который ведет от первого к последнему [Пирс, 2001, с. 64]².

Как видим, этот тип субъект-предикатной связи основан не на интуиции пространственного включения, а на интуиции протекания действия, которую блестяще выразил А. Бергсон [Бергсон, 1914, р. 9] (я на это неоднократно указывал, нет смысла воспроизводить цитату).

Коллективное когнитивное бессознательное

Много раз (невозможно привести все цитаты, но достаточно перечитать внимательно рецензию) Петр Сергеевич говорит, что связка *to be* на самом деле десемантизирована, поскольку ничего не обозначает, разве что указывает на время, и поэтому она фактически эквивалентна ущербному *кана*. При этом еще чаще говорится, что в «клаузе» субъект отнесен к тому множеству, которое обозначено предикатом, при этом не делается никакого различия между европейскими языками и АЛЯ. Эта многожды повторенная констатация представлена так, как если бы она... ничего не означала! Ведь так и говорится: связка ничего не выражает, кроме времени отнесения к множеству. Только время; а отнесение к множеству – это как? само собой разумеется и ничего не значит?

Удивительно, но ведь Петр Сергеевич точно выразил то, что я называю коллективным когнитивным бессознательным – то самое оставшееся загадочным для рецензента ККБ, которое легко разгадывается как незаметная для него, но абсолютно (без ограничений) императивная сила, которая заставляет его считать отнесение к множеству самоочевидной и ничего не значащей операцией. Как же так? Неужто отнесение к множеству ничего не значит? потому что само собой разумеется? Ничего другого мне и не нужно: рецензент всем ходом своей мысли полностью подтвердил все то, о чем я говорил как о бессознательном (неосознаваемом) когнитивном механизме, который лежит в основании любой активности нашего сознания.

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность моему доброму знакомому С.Я. за то, что он привлек мое внимание к этой цитате.

Объектный и мета-язык

Рецензент, безусловно, прав в том, что необходимо различать объектный и метаязык. Он думает, что я их не различаю, потому что отказываюсь признавать, что операция отнесения к множеству, выражаемая формулой «S есть P», является универсальным объяснительным механизмом (метаописанием) для высказываний в любых языках, даже если ее невозможно обнаружить в них непосредственно. Нет, не является. Сейчас объясню почему, но прежде необходимо одно принципиальное методологическое уточнение.

В любой «материал» можно вчитать любое теоретическое объяснение. Вопрос не в том, чтобы построить метаязык, а в том, насколько он будет соответствовать фактам объясняемого материала. Я всегда говорил – и рецензент не раз даже воспроизводит это мое положение, – что в АЛЯ можно вчитать все что угодно в качестве связочной функции, в том числе и механизм отнесения к множеству, выражаемый формулой «S есть P». Почему? Да потому что интерпретация – всегда на стороне читателя, автор здесь, как и в других случаях, нем и не может ничего возразить. За единственным исключением: «автор», в нашем случае АЛЯ, может представить интерпретатору такие тексты, такие факты, на которых интерпретация «сломается». Теория плоской Земли или аристотелевская физика неплохо работают в обыденном мире, и интерпретатор может довольно долго ими пользоваться, не ощущая дискомфорта, однако нетрудно обнаружить такие факты, с которыми эти теории не смогут удовлетворительно справиться. Так и в нашем случае: императивность привычного для моего рецензента ККБ заставляет его до конца держаться за тезис об отнесении к множеству как универсальном связочном механизме, но АЛЯ представит такие факты, с которыми этой интерпретации будет не совладать.

Вот только один пример.

Давайте согласимся с тем, что формула «S есть P», как считает рецензент, это универсальный объяснительный механизм метаязыка и что он работает для АЛЯ. Тогда вопрос: каким образом можно объяснить тот факт, что в высказывании, выстроенном по правилам АЛЯ, не может быть больше одного подлежащего и больше одного сказуемого? Как объяснить это не введением ограничений *ad hoc* на «возвращение аргумента функцией», а как получить объяснение чисто логическое, связанное именно с сутью функционирования связочного механизма? Когда бы мы сказали, например, что отнесение к множеству устроено таким образом, что к множеству в принципе нельзя отнести более одного элемента и один элемент не может быть членом более чем одного множества?

Можно представить себе введение таких ограничений – но они ведь не будут логическими, потому что понятие множества

как таковое не предполагает их. Значит, это будут ограничения *ad hoc*.

Предлагаемая мною концептуализация того объяснения, которое дает АЯТ (хочется напомнить, что это – не мое объяснение, а объяснение АЯТ), предполагает это ограничение именно как логическое. Один процесс, т.е. протекание одного действия, возможно только между одним инициатором и одним воспринимающим: *иснад* «опирание» не может связывать более чем одно подлежащее с более чем одним сказуемым. Это ограничение – сугубо логического свойства, оно вытекает из устройства связочной функции и не накладывает на нее как таковую никаких ограничений *ad hoc*. Об этом у меня подробно сказано в рецензируемой книге [Смирнов, 2021, с. 129–131] – рецензент или не прочитал это, или не воспринял сказанное.

Я уж не говорю о том, что язык – вещь системная и одной связочной функцией, при всей ее важности, дело не ограничивается. Концептуализация АЛЯ, предлагаемая АЯТ, вся, от начала до конца (в буквальном смысле), построена на П-логике, которая объясняет АЛЯ органично, без каких-либо гипотез и ограничений *ad hoc*. Только на примере «харфа» (непереводимое и неперекодируемое – к вопросу о метаязыке – понятие АЯТ, означающее минимальный сегмент членения арабской речи) легко показать невозможность применения языка европейской лингвистики, включая защищаемую рецензентом как якобы универсально применимую версию философии языка, к анализу АЯТ без решающих, т.е. искажающих суть дела и ведущих к неразрешимым противоречиям, перекодировок. Это сделано в опубликованной книге [Смирнов, 2017], с которой рецензент мог бы познакомиться, поскольку она имеет прямое отношение к обсуждаемому вопросу объектного и метаязыка, и в ряде статей, которые вскоре будут опубликованы (их рецензент не мог знать, но будь на то его желание, я мог бы и с ними его ознакомить в рукописи – тогда рецензия оказалась бы глубже и содержательнее).

Итак: две основные черты ККБ, императивность и неосознаваемость, вытекающие из того, что ККБ лежит в основании любой активности нашего сознания (об этом чуть ниже), заставляют рецензента считать само собой разумеющимся, что отнесение к множеству – это ничего не значащая, потому что универсальная и совершающаяся всегда и по умолчанию, операция формирования субъект-предикатного высказывания. Тогда, конечно, можно говорить, что связка *to be* десемантизирована. Опять-таки удивительно – ведь я говорю то же самое: значение связки «есть» – та когнитивная операция, которая описывается как отнесение субъекта к множеству предиката, и ее, конечно, можно выразить и на языке математической логики. Почему рецензент мне возражает? Только потому, что я ограничиваю универсальность привычного для него когнитивного механизма (ККБ) и показываю, что возможен другой, выполняющий *те же* функции –

но выполняющий их *иначе*. Эта альтернативность смущает рецензента, которому хочется во что бы то ни стало сохранить тезис об универсальности и безальтернативности привычного ему метаязыка, построенного на привычном ККБ.

Значит, дело не в том, что я не различаю объектный и метаязык, а в том, что я не признаю привычный рецензенту метаязык в качестве универсального. Да, не признаю – потому что не только нет, но и *не может быть единого метаязыка*. Это верно как минимум для обсуждаемого вопроса – описания связочной функции. В этом все дело: метаязыком для описания АЛЯ, других хамито-семитских языков по меньшей мере в данном аспекте и многих других фактов арабомусульманской культуры будет иной метаязык, построенный на иной логике, а значит, и содержательно иной, нежели тот, которым владеет рецензент, догматически считая его универсальным. Догматически потому, что эта универсальность никак не доказана; между тем именно этот без доказательств принимаемый тезис об универсальности заставляет его, игнорируя факты и даже воспроизводимые им же самим положения АЯТ, утверждать вопреки им, будто бы я говорю, что в АЯТ нет связи – при том, что сам же рецензент неоднократно воспроизводит мой тезис о том, что предикационной формулой АЯТ является «S опирание Р». (Все-таки ККБ – огромная сила!)

Почему разум вариативен?

Но еще важнее подвергнуть рефлексии нашу базовую способность использовать любой язык – что естественный, что формальный, объектный или мета-. Эта базовая способность – способность полагать связность «что-и-какое». В аспекте восприятия мира она выступает как наша способность видеть вещи, а не фиксировать внешний мир как поток данных, наподобие самописцев. Последнее было бы – обратим на это внимание – адекватным его отражением, однако развитие нашего сознания почему-то не пошло по этому пути. Мы научились видеть вещи, т.е. привязывать качественное многообразие («какое») к неким центрам-носителям этих качеств («что»). А в аспекте языка эта же способность делает возможным построение высказывания, которое всегда (если речь именно о высказывании) состоит из подлежащего («что») и сказуемого («какое») как того минимума, без которого высказывания нет.

Тот факт, что именно полагание «что-и-какое» представляет собой нашу центральную когнитивную способность, также не случаен. Только так возможен «человек познающий». Если мир целиком обновляется каждое мгновение, его нельзя познать; а если и можно, такое знание утрачивает цену уже в следующее мгновение. Значит,

в мире надо научиться выделять что-то неизменное и что-то обновляющееся: так мир будет изменяющимся, т.е. *тем же*, но взятым *иначе*. Это *то же иначе* – фундаментальный закон познания мира, впервые комплексно реализованный в греческой мысли в аристотелевской логике и метафизике. За неизменное «что» взята субстанция – говоря попросту, материальная вещь, то, что можно взять в руки (хотя бывают и нематериальные субстанции – но это уже вопрос развития метафизики). Предикация с помощью связки «есть», выражающая принадлежность множеству, точно пригнана к этому способу полагать «что-и-какое». И ведь не случайно, что наличие, т.е. бытие вещи, выражается в европейских языках с помощью того же глагола, что служит предикативной связкой: естественный язык устроен не так, как того хотелось бы аналитическим философам, решившим не просто различить, но и разлучить то, что по сути едино. Ведь вещь *есть*, т.е. существует, только потому, что она – «что» в «что-и-какое»: чистое «что» невозможно, как невозможна чистая первоматерия Аристотеля или Единое неоплатоников. Это – закон нашего сознания, не менее императивный, чем любой естественный закон. Значит, утверждение бытия вовсе не случайно совпадает с устройством предикационности, и это не недостаток естественного языка, как то нередко утверждают последователи Рассела, а необходимый его факт и подсказка относительно базовых законов работы нашего сознания. То же самое касается и тождества индивидов.

Не будет открытием, если я скажу, что помимо субстанций в мире есть и действия. Европейское мышление и европейская метафизика не исходят из действия как первичной действительности (вот еще одна подсказка русского языка), а всегда стремятся прикрепить его к субстанции, понять не как «что», а как «какое». Теперь представьте, что именно действие – это «что», а его «какое» – действительность и претерпевающее, т.е. те две стороны, между которыми оно протекает. Это требует перестроить всю парадигматику не только мышления, но и сознания в целом, начиная с т.н. чувственного восприятия. Понятно, что *сделать* (а не *объяснить*) это нельзя, опираясь на рациональность, поскольку рациональность задана именно той базой, тем способом полагания «что-и-какое», которое составляет коллективное когнитивное бессознательное (а вовсе не «мировоззрение» – тут у рецензента путаница в понятиях) больших культур. Я не знаю в европейской истории лучшей попытки, чем разъясненная Бергсоном интуиция *чистого действия*, которое протекает безостановочно, не в пространстве и времени, не имеет меры и составляет то самое «что», к которому прикрепляются «какое», придавая ему качественную определенность.

Вот почему гипотеза языковой относительности в любой ее трактовке бьет мимо цели. Язык, равно как и мышление, не является «первой остановкой», тем, с чего можно было бы начинать, выстраивая цепочку зависимости и причинной определенности. Началом

выступает то, что до них обоих – до языка и до мышления и что задает их возможность. Это – способ полагания «что-и-какое». Суть сделанного в рецензируемой книге – в том, что приоткрыт путь к этому началу, во-первых. И, во-вторых, показано, как можно идти по этому пути, выстраивая два альтернативных (расходящихся в самом начале) способа мыслить и смыслить.

Что есть другие пути, по которым пошли большие культуры Индии и Китая, для меня несомненно; столь же несомненно, что разработать эти логики смыслополагания (полагания «что-и-какое») – не моя задача, поскольку она по плечу только профессионалам. Ни я, ни мой рецензент, к сожалению, не являемся ни индологами, ни китаистами, а потому я никогда не претендовал на большее, нежели высказать ни к чему не обязывающую догадку о том, какой могла бы быть та или другая логика, так что и здесь Петр Сергеевич напрасно приписывает мне какие-то теоретические построения. В отличие от аналитических философов, я хорошо понимаю ограниченность теоретических инструментов, которые у меня в руках, поскольку работаю именно с началом мысли и сознания, а не беру некий готовый инструмент, объявляя его без всякого обоснования универсальным и пригодным для любого теоретического исследования.

Список литературы

Бергсон, 1914 – *Бергсон А.* Введение в метафизику / Пер. В. Флеровой // *Бергсон А.* Собрание сочинений. Т. 5. СПб.: Издание М.И. Семёнова, 1914. С. 5–47.

Бородай, 2020 – *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра: ЯСК, 2020.

Куслий, 2023 – *Куслий П.С.* Роковая связка: об одной попытке обосновать лингвистическую относительность // *Эпистемология и философия науки.* 2023. Т. 60. № 3. С. 210–223.

Пирс, 2001 – *Пирс Ч.С.* Принципы философии. Т. II. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

Смирнов, 2017 – *Смирнов А.В.* Событие и вещи. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Смирнов, 2021 – *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. URL: https://www.rfbg.ru/rffi/ru/books/o_2127123 (дата обращения: 10.06.2023).

Шиммель, 2012 – *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. 2-е изд. М.: ООО «Садра», 2012.

Юшманов, 1928 – *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка / Ред. и предисл. И.Ю. Крачковского. Ленинград: Издание Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928.

References

Badawi et al., 2016 – Badawi, E., Carter, M., Gully, A. *Modern Written Arabic: A Comprehensive Grammar*, Revised by Maher Awad. 2nd ed. London and New York: Routledge, 2016, 894 pp.

Bergson, H. *Vvedeniye v metafiziku* [Introduction à la métaphysique], trans. by V. Flerova, Collected Works, vol. 5. Saint Petersburg: M.I. Semyonov Publ., 1914, pp. 3–47. (Trans. into Russian)

Boroday, S.Yu.; V.A. Lektorsky, A.V. Smirnov (eds.) *Yazik i poznaniye: vvedeniye v postrelyativizm* [Language and Cognition: An Introduction to Post-relativism]. Moscow: Sadra, YaSK, 2020, 800 pp. (In Russian)

Kusliy, P. “Rokovaya svyazka: ob odnoi popytke obosnovat’ lingvisticheskuyu odnositel’nost’” [The Fateful Copula: On an Attempt to Justify Linguistic Relativity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 3, pp. 210–223. (In Russian)

Pierce, Ch.S. *Printsipy filosofii* [Principles of Philosophy], trans. by V. Kiryushenko & M. Kolopotin, vol. II. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2001, 320 pp. (Trans. into Russian)

Schimmel, A.-M. *Mir islamskogo mistitsizma* [Mystical Dimensions of Islam], trans. by N. Prigarina & A. Rappoport. Moscow: Sadra Publ., 2012, 536 pp. (In Russian)

Shehadi, F. *Metaphysics in Islamic Philosophy*. Delmar (N.Y.): Caravan Books, 1982, 154 pp.

Smirnov, A.V. *Sobytiye i veshi* [Occurance and Things]. Moscow: Sadra-YaSK, 2017, 232 pp. (In Russian)

Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashiye k razmyshleniyu* [Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (An Invitation to Discussion)]. Moscow: YaSK Publ. House, 448 pp. (In Russian)

Yushmanov, N.V.; I.Yu. Krachkovskiy (ed.) *Grammatika literaturnogo arabskogo yazika* [Grammar of Literary Arabic Language]. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after A.S. Yenukidze, 1928, 144 pp. (In Russian)